

СТАЛЬ ЗАКАЛЯЕТСЯ В ОГНЕ

В яркой речи Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева на встрече в ЦК КПСС с ветеранами стахановского движения, передовиками и новаторами производства содержалось много интересных, масштабных мыслей, которые, несомненно, послужат творческим импульсом для создания новых произведений литературы и искусства. Все сказанное на встрече относится не только к тем, кто своим трудом создает материальные ценности. Это имеет прямое отношение и к нам, работникам литературы и искусства.

Огненным взрывом массовой энергии назвал Алексей Максимович Горький новое отношение рабочего человека к труду, которое получило затем яркое отражение в стахановском движении. И сегодня неугасающими звездами светятся имена его зачинателей, таких, как шахтеры Алексей Стаханов и Никита Изотов, кузнец Александр Бусыгин, машинист паровоза Петр Кривонос, ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы и многие, многие другие. Как они красивы в своем труде и как прекрасно, что вспыхнувшая полвека назад стахановская искра не погасла, а продолжает зажигать трудовым энтузиазмом новое поколение рабочего класса!

Я многие годы проработал на прославленных промышленных предприятиях — Верх-Исетском металлургическом заводе и «Уралмаше», и жизнь людей труда знаю не из чужих уст, не понаслышке. Работа была тяжелая, на первых порах я буквально за полсмены выматывался до изнеможения. Обращать трансформаторную сталь — дело трудоемкое. Его «секретам» и обучили меня кадровые рабочие. У них я получил не только первые трудовые уроки, но и понял, что с нравственной точки зрения дисциплина, ответственное отношение к порученному делу — это показатели прежде всего внутренней цельности, порядочности человека. И еще я понял, как важны для начинающего свой путь человека поддержка, чувство локтя кадрового рабочего коллектива. Старшие товарищи терпеливо и доброжелательно обучали меня секретам «огневой» профессии. Да и не только профессия! Прежде всего металлурги давали новичкам уроки подлинной нравственности. Я воочию ощутил, что труд передовиков производства — это не только социальное, но и нравственное явление, раскрывающее духовную красоту человека нового общества.

Вот отсюда и родился Виктор Лагутин — герой пьесы «Сталеваляры». Меня часто спрашивают зрители, встречался ли я в жизни именно с таким человеком? Признаюсь, что мне не довелось быть лично знакомым со сталеваляром по фамилии Лагутин и подобно фотографу «снимать» с него точную копию. Убежден, что это и не является целью искусства. Мне было важно в частном случае увидеть закономерности развития образа, передать напряженность ритмов нашей действительности, исследовать и запечатлеть в художественной форме ее типичные проявления.

Найти точный «адрес» своих персонажей — это писательская забота не одного дня и года. В ходе работы над произведением как бы выверяется точность твоих жизненных наблюдений. Мой герой Лагутин по своему характеру, как говорится, человек крайностей. Его не всегда принимают товарищи по труду, но в конце концов сталеваляры тянутся к Лагутину, так как полностью одобряют его бескомпромиссность, его желание преодолеть инерцию, пассивность, его неприятные жизненные «принципы» «ты — мне, я — тебе».

Профессиональная честность, соблюдение технологической дисциплины (немного ошибся — и все, будет другое качество металла!) деловитость, бережливость, наведение порядка повсюду — без этого невозможен ускоренный научно-технический прогресс, намеченный нашим обществом. Сравнительно быстро мож-

но достигнуть роста эффективности производства, подчеркивалось на апрельском Пленуме ЦК КПСС, если активизировать человеческий фактор, то есть добиваться, чтобы каждый добросовестно трудился на своем месте.

Активизировать человеческий фактор — это партийная задача, поставленная и перед нами, работниками литературы и искусства. Задача ответственная и перспективная. Умному, правдивому слову писателя многое дано — нести заряд духовности, вызывать у советского человека прилив энергии, воспитывать чувство хозяина своей страны и одновременно заставлять его тревожиться тревогами всего неспокойного земного мира.

Сейчас мы много спорим о молодом герое театрального искусства. Думаю, что, работая над такими образами для сцены или экрана, вряд ли стоит противопоставлять его еще не устоявшиеся взгляды взглядам других персонажей. Ведь в жизни это не всегда так. Не лучше ли рассказывать о быстром взрослении молодого рабочего, его мужании, происходящем на производственной вахте. Именно рабочие профессии активно формируют мужской характер, отвергающий инфантилизм и несамостоятельность.

Рабочий человек учил и учит молодую смену не хлесткой громкой фразой, а своим жизненным примером. Мои товарищи по заводу терпеть не могли показуху. Скромные и суровые на вид, они обладали подлинным духовным богатством, добротой, подлинным коммунистическим отношением к жизни. Если случалась авария, каждый протягивал другу руку помощи. Брак в работе был для всех недопустим не только потому, что бил по карману, а у многих были большие семьи. Брак воспринимался как проявление равнодушия, расхлябанности, беспринципности и карался открытым судом чести.

А теперь — о качестве труда драматурга. В нашем «цехе» надо объявить бой мелкотемью и бесконфликтности, пустой развлекательности, пьесам-безделушкам и сентиментальным поделкам, ласкающим лишь нетребовательный глаз мещанина. Качество — это не только проблемы стиля, хотя и их нельзя обойти стороной. Качество — это прежде всего гражданская позиция художника, его умение подхватить и обобщить раскаленные, будто плавающая сталь, актуальные жизненные факты, его стремление разглядеть героев своих будущих произведений в гуще народной.

Не случайно мы постоянно озабочены судьбами производственной темы в драматургии. Почему после «взрыва» в середине семидесятых годов она вдруг уступила позиции и стала уходить с подмошек? Так случилось, что ее заметно потеснила бытовая драма, да и сами «производственники» снизили в своих произведениях накал конфликта. Пошел «шлейф» повторов драматургических ситуаций, накопились штампы. Зритель среагировал тут же, он заскучал на подобных спектаклях, театральные залы стали пустеть. А ведь сила производственной драмы — в ее политическом и публицистическом запале, в показе острой и непримиримой борьбы — и неизбежной победы — новых производственных отношений с косностью и бюрократизмом, отжившими своими нормами и психологическими факторами.

Последователи инженера Чешкова и брига-

дира бетонщиков Потапова — героев «Человека со стороны» И. Дворецкого и «Протокола одного заседания» А. Гельмана — непременно должны выйти на сцену восьмидесятых годов. Сохранив прямоту и одержимость своих предшественников, пусть они в своих поступках и помыслах поднимутся на два-три «витка» выше. Хотелось бы, чтобы объемнее и разноплановее становились характеры социальных героев, как это и происходило в жизни. Им отнюдь не противопоказаны глубинные драматические, а подчас и трагические переживания, и философские раздумья о жизни, и лирическое настроение, и семейные хлопоты, и юмор. Каждый из нас, даже вечером дома, обязательно возвращается мысленно к тому, чем занимался в дневные рабочие часы, ибо труд занял в нашей жизни едва ли не главенствующее место.

А образы людей науки? Сейчас, когда партия серьезно ставит вопрос о необходимости коренной перестройки, реконструкции производства и перехода на принципиально новые технологические системы, значение научных исследований возрастает. Наука становится как бы катализатором ускорения экономических процессов.

А сам человек, какая роль отводится ему в научно-техническом прогрессе? Не обеднеет ли он душевно, не превратится ли в сухого, безэмоционального рационалиста? Сохранит ли он в себе лучшие душевные качества: бескорыстие, доброту, отзывчивость, любовь к поэзии? Один из героев моей пьесы «Испытание» даже предлагает создать своеобразные «заповедники», ограждающие от городских шумов. Но, разумеется, эти взгляды ошибочны, и я как автор опроверг их, ибо уверен, что научно-технический прогресс в нашем обществе тесно связан с прогрессом нравственным, направлен к дальнейшему расцвету личности, ее гармоничному развитию и совершенствованию. К сожалению, еще встречаются в науке явления, которые замедляют ее темпы. В моей пьесе «Конец недели», шедшей на телевидении под названием «Конфликтная ситуация», действуют сотрудники некоего НИИ, привыкшие к протекционизму и семейственности, жаждущие добиться карьеры, известности любой ценой, даже присвоив чужое изобретение. В финале они терпят моральный крах. Такова атмосфера всей нашей жизни, где подлинные открытия совершаются лишь преданными науке одаренными учеными, обладающими высокими нравственными качествами.

Размышляя о состоянии драматургии, я, естественно, останавливаюсь на том, что мне лично в ней близко, вовсе не претендуя на всесторонний охват этих важных проблем. У литератора, пишущего на производственную, рабочую тему, много забот. Ждут своего воплощения в искусстве образы стахановцев наших дней, подхвативших эстафету, продолжающих традиции своих дерзких и упорных отцов и дедов, возводивших в легендарные годы первых пятилеток Магнитку и Комсомольск-на-Амуре, добывавших рекордные тонны угля. Ныне первопроходцы и энтузиасты осваивают природные богатства Сибири и Крайнего Севера, распахивают земли казахстанской целины и российского Нечерноземья, летают в космос. Их образы, сама природа их оптимизма, партийное, гражданское самосознание достойны того, чтобы художники слова всех жанров взяли за перо и талантливо отразили этот порыв в будущее.

На моем столе планы и наброски новой пьесы. Записываю в свой писательский блокнот слова: «человеческий фактор», «интенсификация», «ускорение» — выражения весомые, значимые, содержащие глубокий, совершенно новый социальный и нравственный смысл. Очень хочется, чтобы они зазвучали и с театральными подмошек. И не просто зазвучали, а были глубоко осмыслены. Таково требование нашего времени, времени коренных перемен — отразить гражданский темперамент наших современников, звать их к новым трудовым начинаниям. И делать это надо творчески, по-деловому, со знанием дела и коммунистической убежденностью.

Геннадий БОКАРЕВ.

СВЕРДЛОВСК.